

русской, но может быть это было в то время, когда еще вятичи жили по тогдашним лесистым берегам реки Сейма.... А это было очень и очень давно. Но нам до этого дела нет, мы расскажем предание и, если хотите, просто на просто сказку о тогдашнем Рыляке и тогдашнем чорте.

Известно, какая тогда была жизнь в лесах дремучих и в дебрях непроходимых, которыми наполнена была матушка Русь: деревня росла веками, не рубились ни на сахарные заводы, ни на железную дорогу, ни на газ какой, а говорю — росли.

И так то в этих лесах подились волки и кабаны, а последних было такое множество, что даже и в герб города Рыльска попалась кабанья голова. Жили, говорю, таким образом люди в лесах и промышляли звериной охотой, а по реке Сейму рыбу разную ловили и тем кормились.

Был себе один мужичек; звали его . . . ну, хоть Иваном Жигалкой. Этот Иван Жигалка поближе других жил к Сейму и каждую ночь выезжал на реку с острогой.

Раз он поехал на челноке. Гребет себе веслом да гребет; вдруг челнок останавливается и как раз насупротив большого кургана, который из воды выходил, как гора какая и на котором проживал чорт.

Удивился Жигалка, что, как де это? малый он здоровый и сильный, а лодку с места не может веслами сдвинуть. Что бы это такое значило?... Метался Иван в разные стороны — ничего сделать не может. „Хот бы чорт пособил бы мне!“ Сказал он наконец и оглянулся назад . . . а челнок его тянет кто-то, такой косматый, с головы пена течет, глаза у него, как угли горят, а когти — не человечески. Жигалка не струсил однако-ж, а приподнял весло и хотел огреть косматого, но тот захохотал, как леший и сказал человеческим голосом: „Полно Иван, не на такого напал. Я похитрее тебя, не поддамся“. И вдруг нырнул, как утка какая в воду. Иван принялся снова грести, проклятая нечистую силу, но из воды раздался голос: „не уйдешь от меня, я похитрее тебя и говорю тебе ясно, что если будешь здесь раз'езжать около моего кургана и мутить мне воду, то дорого заплатишься!“ „Да кто ты, окаянный? спросил Иван, — уж не чорт ли и в самом деле?“

„Может быть он и естъ“, высунувшись из воды, произнес косматый. „Еще раз повторяю тебе, не ездь по этому месту, а то мутить мою воду и не даешь мне и ночью покою — отдыха, каково мне возиться с твоими земляками. Минуты не проходит, чтоб кто из них не помянул меня, а уж известно, кто меня помянет — я и при нем и к его услугам. Чорту, брат, менее всего отдыха, а тут ты еще и ночью приехал меня беспокоить“.

Мужик едва мог опомниться, хотел было перекреститься, да в то время еще порядочно не умел и креста положить, да и рука то его сделалась, как каменная. Струхнул таки и поворотил челнок. Поставив по обыкновению сети, он вышел на берег и никому не рассказывал о свидании своем с чортом.

На другую ночь поехал Жигалка, чтобы вынуть сети и выбрать рыбу, но не тут то было: все перервано, перепутано. Что тут делать, видно шутки косматого. „Постой, говорит Иван, пойду пожалуйюсь Лыцарю-пустыннику, он силу имеет и над нечистыми. Недавно, из пяти баб сто чертей выгнал, по десяти в каждой оставил; он и мне поможет“...

Лыцарь-пустынник этот жил тоже невдалеке Рыла речки, где та в Сейм впадает, на каждый год грязью да илом его угощает.

Откуда и как зашел туда этот Лыцарь-пустынник — неизвестно. Видите ли: он был не простой пустынник, а с чином Лыцаря и ходил с палашем или с мечом обоюду — острым на правом бедре, этого то